

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ

© 2015 г. Владимир Антонович Дыбо

Институт славяноведения РАН, Москва, 119334, Россия
vdybo@mail.ru

Статья посвящена обоснованию выдвинутой автором гипотезы тонового происхождения индоевропейских систем разноместного фонологически значимого ударения. В начале статьи рассматриваются акцентные системы с фиксированным ударением: наиболее простой тип, где фиксация осуществляется посредством счета слогов, и осложненные системы, включающие в правило фиксации количество или качество слога. Последние при потере фактора, осложняющего правило фиксации, и естественной морфонологизации, преобразуются в так называемые системы «свободного акцента», или, что будет точнее, системы разноместного ударения. Приводятся соответствующие примеры. Рассмотрение славянской, балтийской и балто-славянской парадигматических акцентных систем приводит к выводу, что в основе их лежит начальнударная акцентная система, осложненная тоновым (регистровым) характером гласных.

Ключевые слова: акцентные системы, акцентология, тоновые системы, славянский языки, балтийские языки, балто-славянские языки, разноместное ударение

PARADIGMATIC ACCENT SYSTEMS

Vladimir A. Dybo

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334, Russia
vdybo@mail.ru

The paper illustrates a hypothesis proposed by the author concerning a tonal origin of the Indo-European systems of multi-local phonologically significant accent. The beginning of the article deals with the systems with fixed accent: the most simple type, in which fixation is carried out by counting the syllables, and more complicated systems, which include the quantity or quality of the syllable into the rule of fixation. The latter, in case of losing the factor complicating the rule of fixation and a natural morphonologisation, become the so-called systems of «free accent» or, more accurately, the systems of multi-local accent. Corresponding examples are given. Consideration of Slavic, Baltic and Balto-Slavic paradigmatic accent systems leads to the conclusion that at their base there is an initial-accent system complicated by the tonal (register) character of the vowels.

Keywords: accent systems, accentology, tonal systems, Slavic languages, Baltic languages, Balto-Slavic languages, multi-local accent

Изложить в одной статье проблематику сравнительно-исторической акцентологии и основные ее результаты — задача почти неразрешимая. Можно, конечно, выбрать такую точку зрения, при которой будет казаться, что мы получили достаточно большое пространство обзора, но при этом теряются те детали, которые в сущности и представляют собой содержание акцентологии как сравнительно-исторической дисциплины. Более того, при таком отвлечении от деталей создается впечатление, что те общие положения, являющиеся всего лишь побочными результатами размышлений над выводами, к которым приходят сравнительно-исторические исследования просодических систем, это и есть основа просодической (акцентологической) реконструкции.

Но коль скоро такая задача нами поставлена и подобное изложение признано небесполезным, можно попытаться его осуществить. Однако от читателей требуется ясное

понимание того, что по крайней мере начало этого изложения чисто догматическое: это даже не сравнительно-историческая акцентология, а некоторые наблюдения и выводы из размышлений над результатами нескольких наиболее развитых сравнительно-исторических акцентологий. Они не должны требовать развернутых доказательств выдвигаемых положений, так как такими доказательствами являются данные сравнительно-исторические акцентологии, но они также не должны упускать из виду, что излагаемые положения не являются инструментом в построении просодических реконструкций и поддерживают их лишь в той степени, в какой свидетельствуют об их объяснимости с этой более обзорной точки зрения.

По типам ударения языки принято делить на языки со свободным и фиксированным ударением. К последним относятся языки, в которых место акцента связано с фонетической структурой слова.

Способы фиксации ударения довольно разнообразны, однако все они являются модификациями одного основного способа — счета слогов. В элементарном случае ударение падает на какой-либо по счету слог от конца или начала слова. Все остальные способы фиксации, по-видимому, возникают в результате деформации основного посредством введения в правило фиксации дополнительного фактора: структуры, количества или качества слога (в последнем случае может выступать как сегментное, так и суперсегментное качество слога — тон).

Таким образом, по способу фиксации и характеру правил определения места ударения в языках с фиксированным ударением могут быть выделены следующие типы.

1. Языки, в которых место ударного элемента (слога) определяется в терминах порядка (счета) слогов (с л о г о с ч и т а ю щ и е я з ы к и), например, польский язык, где ударение падает на предпоследний слог, или чешский, в котором ударение падает на первый слог от начала слова.

2. Языки, учитывающие количество слога при счете порядка слогов (м о р о с ч и т а ю щ и е я з ы к и), например, латынь, где ударение на втором слоге от конца при двумеровости этого слога и на третьем от конца при одномеровости предконечного слога (напомню, что м о р а — элементарная единица количества, равная количеству краткого слога, в долгом слоге — две моры).

3. Языки, учитывающие структуру слога при счете слогов, например, ударение ставится на конечном слоге, если он закрытый, и на втором слоге от конца, если последний слог открытый: предполагаемое прасemitское состояние, отраженное (правда, с определенными отклонениями) в староиспанской грамматике арабского Pedro de Alcala¹; принципиально, но с усложнениями правила, по-видимому, сохраняется в магрибских арабских диалектах.

4. Языки, учитывающие качество гласных при счете слогов, например, иронский диалект осетинского языка или мокшанский мордовский; подобные же системы, по-видимому, лежат в основе марийских и пермских морфонологизированных систем ударения.

5. Языки, учитывающие просодическую характеристику слога при счете слогов, например, восточно-сахарские: в тубу, канури (во всяком случае, в его диалекте бадави), канембу ударение ставится на первый высокотональный слог. То же правило у хауса, йоруба и бамбара². Более сложное правило отмечают в усаруфа (Новая Гвинея): ударение ставится в конце слова, если оно состоит исключительно из низкотональных слогов, но в начале платформы высоких тонов (соответственно, на одиночном высокотональном слоге), если слово состоит из высокотональных слогов или включает в себя высокотональные слоги. Однако, если слово, начинаясь платформой высокотональных слогов, заканчивается низким тоном, ударение ставится на последнем высокотональном слоге (см. [Studies 1962: 114], там же материал [Ibid.: 115—127]).

¹ Специально об акцентровке и грамматике Pedro de Alcala см. [Sarauw 1939: 36 ff].

² О восточносахарских акцентных и тоновых системах см. [Дыбо 1987]; об ударении в йоруба и бамбара см. [Brauner 1982; Herms 1982].

Во всех случаях, когда предыстория систем свободного ударения или морфонологизированных систем известна или когда относительно их генезиса могут быть построены достаточно убедительные сравнительно-исторические гипотезы, обнаруживается, что такого рода системы возникают из систем фиксированного ударения с деформирующим правилом фиксации фактором (т. е., из типов 2, 3, 4, 5), когда фонологическое противопоставление, на котором построена специфика способа фиксации ударения, нейтрализуется и вместо него появляется противопоставление по месту фиксации ударения (т. е. в условиях потери фонологических противопоставлений, создававших фактор, деформировавший основное правило; иначе говоря, дистинктивные функции, которые несли ранее сегментные или суперсегментные компоненты слога, принимает на себя акцентный контур словоформы). Так, разноместное ударение ряда романских языков является результатом совпадения количеств и, следовательно, утратой контурного правила, основанного на счете мор. Сохраняющиеся акцентные различия теряют свою моровую мотивацию и фонологизируются. Аналогично, разноместное ударение коми-язвинского диалекта является результатом фонологизации акцентных контуров, ранее мотивированных различием в качестве гласных³: первоначально ударение в этом диалекте находилось на втором от начала слова слоге, но оттягивалось на первый слог, если в нем был гласный нижнего или среднего подъема, в дальнейшем несколько таких гласных (*е, о, ъ, ѓ*) сузились и совпали с соответствующими гласными верхнего подъема *і, и, ѳ*, но акцентовка соответствующих слов сохранилась и, естественно, фонологизировалась, ср.:

Коми-язв. формы с *і, и, ѳ* из **е, *о, *ѓ, *ѓ*

- к-язв. *гиз* 'веревка' ~ *гизѳн* 'веревкой' (ср. коми-зыр. *гэз*);
- к-язв. *туш* 'борода' ~ *тушѳн* 'бородой' (ср. коми-зыр. *тош*);
- к-язв. *зур* 'овес' ~ *зурѳн* 'овсом' (ср. коми-зыр. *зѳр*);
- к-язв. *вур* 'лес' ~ *вурѳн* 'в лесу' (ср. коми-зыр. *вѳр*);
- к-язв. *ч'ѳгнѳ* 'сломать' (ср. коми-зыр. *ч'эгны*);
- к-язв. *кижнѳ* 'сворачивать' (ср. коми-зыр. *кежны*);
- к-язв. *вуд* 'ложись' ~ *вуднѳ* 'ложиться' (ср. коми-зыр. *водны*);
- к-язв. *урснѳ* 'играть' (ср. коми-зыр. *ворсны*);
- к-язв. *ушнѳ* 'потеряться' (ср. коми-зыр. *вошны*).

Коми-язв. формы с первичными *і, и, ѳ*

- к-язв. *гид* 'теплый телятник внутри хлева' ~ *гидѳн* 'телятником' (ср. коми-зыр. *гид*);
- к-язв. *пурт* 'нож' ~ *пуртѳн* 'ножом' (ср. коми-зыр. *пурт*);
- к-язв. *зуд* 'точильный брусок' ~ *зудѳн* 'точильным бруском' (ср. коми-зыр. *зуд*);
- к-язв. *ѳул* 'слиюна' ~ *ѳулѳн* 'слиюной' (ср. коми-зыр. *ѳул*);
- к-язв. *гиж* 'пиши' ~ *гижнѳ* 'писать' (ср. коми-зыр. *гижны*);
- к-язв. *мун* 'иди' ~ *муннѳ* 'идти' (ср. коми-зыр. *мунны*);
- к-язв. *ид* 'ячмень' ~ *идѳс* 'его ячмень' (ср. коми-зыр. *ид*);
- к-язв. *руч* 'лиса' ~ *ручѳс* 'лису' (ср. коми-зыр. *руч*);
- к-язв. *куз* 'длинный' ~ *кузѳс* 'длинны' (ср. коми-зыр. *куз*).

Разноместные ударения в балто-славянском и абхазо-убыхском следует объяснять фонологизацией акцентных контуров, явившейся следствием падения тонов, с которыми эти контуры были связаны [Дыбо 1973; 1977; 1978; 1989; Dybo et al. 1978; Николаев 1986а; 1989]. Специфика акцентных систем в этих языках объясняется первоначальными различиями в правилах фиксации акцента: в балто-славянском ударение ставилось на первом высокотоновом слоге или просто начальном слоге фонетического слова при отсутствии высокотоновых слогов, в абхазо-убыхском ударение стояло на последнем слоге первой

³ [Лыткин 1961: 33—34], а также [Лыткин 1952; 1955: 11—12].

последовательности высокотоновых слогов или просто на последнем слоге при отсутствии в фонетическом слове высокотоновых слогов.

В зависимости от отношения факторов, определяющих стабилизацию акцента, к морфологическим границам слова (словоформы) наблюдается два крайних типа морфонологизированных акцентных систем: 1) если морфонологизация приводит к лексическому распределению акцентных типов (тогда, когда фактор, стабилизирующий место акцента, был преимущественно связан с корневой морфемой), возникает так называемый «парадигматический акцент»; 2) если морфонологизация приводит к распределению акцентных типов по морфологическим формам и категориям, мы говорим о «категориальном акценте». Ко второму результату непосредственно приводит морфонологизация фиксированного акцента латинского типа. Причины этого очевидны: акцентный контур принимает на себя дистинктивные функции количества второго гласного от конца словоформы, который часто является гласным суффикса или флексии. Дальнейшие фонетические процессы могут упростить картину (как во французском, где редукция безударных конечных гласных разрушала дистинктивный характер акцента) или, напротив, несколько усложнить ее, создав конечную позицию ударения, наряду с позициями на 2-м и 3-м слоге и т. д.

В этом случае обычно существует наиболее частотный акцентный тип, по которому акцентируется подавляющее число словоформ языка, — это, так сказать, «немаркированный» акцентный тип, тривиальный, — и акцентные типы, характерные для определенных суффиксальных образований, определенных категорий и словоформ. Такое распределение не вполне строгое, так как в число непроемких (с синхронической точки зрения) лексем входит также определенное количество слов, акцентирующихся по нетривиальным типам. Описание в этом случае обычно делается следующим образом: устанавливаются акцентные типы, определяется тривиальный (немаркированный) тип и выявляется связь нетривиальных типов с теми или иными категориями слов и словоформ, исключения из распределения даются списком. В порождающей морфонологии, как правило, восстанавливается на так называемом глубинном уровне в определенном приближении (упрощении или усложнении) первоначальное правило стабилизации акцента и вводятся определенные маркировки, восстанавливающие позиции его применения, а затем даются правила, переводящие «глубинные» структуры на поверхностный уровень (вся эта система правил является «синхронизацией» диахронных процессов, приведших древнюю систему языка к современному его состоянию). Наличие в языке, в его синхронном состоянии, соответствующего механизма является особой проблемой, которая требует изучения, и ее решение может быть различным по отношению к разным типам порождающих моделей.

Более сложные системы возникают в результате морфонологизации пятого типа фиксированного акцента (т. е. морфонологизации акцента, связанного с просодическими, тоновыми характеристиками слогов). По-видимому, характер таких систем в значительной степени определен характером тоновой системы, которую они «отображают». Среди тоновых систем обнаруживаются системы с сильнейшим развитием так называемого грамматического тона (например, хауса). Естественно ожидать, что при морфонологизации ударения, связанного с такими тоновыми системами, возникают языки с категориальным акцентом.

При морфонологизации акцента, связанного с тональными системами с преимущественным развитием «лексического» тона, возникают, по-видимому, системы «парадигматического» акцента, часто с довольно сложными акцентными типами (акцентными парадигмами). Примером могут служить славянские (русская, сербская, словенская и под.), балтийские (литовская), западнокавказские (абхазская, абазинская, убыхская) акцентные системы.

Обычный способ их описания состоит в установлении количества акцентных типов в каждом из лексико-морфонологических классов слов и частных подразделений этих классов, описание поведения акцента в слове в каждом из этих акцентных типов («акцентной кривой»). Если это возможно, устанавливается (дополнительное) распределение акцентных кривых в зависимости от морфологического подразделения. В этом случае ряд

акцентных кривых может быть объединен по определенным их характеристикам в класс дополнительно распределенных акцентных кривых. Такой класс (или единицу, характеризующую этим классом) принято называть акцентной парадигмой. Иногда акцентную парадигму и акцентную кривую отождествляют, не обращая внимания на то, что в разных категориях слов одна и та же акцентная парадигма может выражаться разными акцентными кривыми. Затем устанавливается наполнение каждого акцентного типа, т. е. перечисляются все лексемы, которые акцентируются в соответствии с данной акцентной схемой, и выбор акцентного типа производными, который может быть связан с акцентовкой производящих и морфонологическим типом аффикса, или же может зависеть исключительно от характера аффикса. Наконец, определяются те части системы, в которых обнаруживаются отклонения от парадигматического принципа распределения акцентных типов и развитие категориального акцента. А также устанавливается наличие различного рода трансформаций акцентных кривых в синтаксическом единстве (перенос ударения на энклитики, проклитики и т. п.).

Опыт последних десятилетий показал, что такие системы часто поддаются довольно экономному описанию методами генеративной (порождающей) морфонологии, при том что такое описание помогает открывать многие неясные с «поверхностной» точки зрения отношения. Примером такого описания, построенного, в сущности, по способу моей внутренней реконструкции балто-славянской системы акцентуационных валентностей, может служить описание литовской акцентуационной системы в [Грамматика 1985: 61—68]. Достаточно полное описание акцентной системы русского языка представлено в работах А. А. Зализняка [Зализняк 1967; 1985]. «Порождающее» описание абхазской акцентной системы, исходящее из тех же принципов, предложено в моей работе [Дыбо 1989]. В языках «парадигматического акцента» во многих случаях обнаруживается тенденция перехода к «категориальному акценту» посредством генерализации в определенных категориях лексики и особенно в словообразовательных типах той или иной акцентной парадигмы. Примерами разной степени продвинутой в этом направлении могут служить русская акцентная система, литовская и акцентная система пушту.

По-видимому, представленные здесь результаты создают основу для разделения языков с морфонологизованными акцентными системами и языков с тоновыми контурами слова и тоновыми парадигмами (схемами), являющимися, возможно, результатом непосредственного развития, а не «отображения» систем с «классическими» тонами. Примером языков с тоновыми парадигмами (схемами) могут служить канури, ряд языков банту, японский с его «акцентными» системами и, по-видимому, ряд дагестанских тоновых языков (исключая аварский с его акцентной системой). Что касается «классических» тонов (т. е. тонов в так называемых слоговых языках), сейчас уже накопилось достаточно данных в пользу предположения о сегментных истоках тоновых различий («заместительное тонообразование»), фонологизация слоговой просодики, первоначально распределенной по консонантному окружению и т. п.).

Как ясно из этого краткого обзора, сравнительно-историческая акцентология — это раздел сравнительно-исторического языкознания, который посвящен изучению морфонологизованных акцентных систем.

Особенно сложным случаем являются системы, возникшие как отображения тоновых систем. До последнего времени они представляли собой сравнительно-историческую загадку, да и в настоящее время тонологическая теория их происхождения далеко не всеми исследователями принимается. К числу этих систем относится балто-славянская акцентная система, в исследовании которой было затрачено усилий больше, чем в какой-либо иной отрасли сравнительно-исторического языкознания.

Балто-славянская акцентная система относилась к так называемым парадигматическим акцентным системам (к системам парадигматического акцента).

Парадигматическими акцентными системами (или системами парадигматического акцента) принято называть системы, характеризующиеся двумя или несколькими типами

поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами, по которым распределены все слова соответствующего языка следующим образом:

1. В корпусе непроемных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно.

2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип).

Первое положение названо «первым принципом парадигматического акцента», второе — «вторым принципом парадигматического акцента». Акцентные системы, у которых удается проследить оба принципа, обозначались как «нередуцированные» системы парадигматического акцента, акцентные системы, у которых прослеживается лишь первый принцип, — как «редуцированные» системы парадигматического акцента.

В сущности, языков, акцентная система которых покрывалась бы полностью этими двумя принципами организации акцента, до сих пор не обнаружено. Как правило, в языках, даже в наибольшей степени соответствующих характеристике языков с парадигматическим акцентом, определенная часть лексики (обычно часть словообразовательных типов) выбирает определенный акцентный тип механически, независимо от акцентного типа производящего; таким образом, в этой группе лексики (соответственно, части словообразовательной системы) акцентный тип оказывается непосредственно связанным с категорией лексики (словообразовательным типом). Этот характер связи акцентного типа получил наименование «категориальный принцип организации акцентной системы». Сравнительно-историческое исследование парадигматических акцентных систем позволяет предполагать в общем случае вторичное проникновение в них «категориального принципа» в результате генерализации определенных акцентных типов внутри соответствующих категорий лексики, словообразовательных типов или грамматических категорий.

В соответствии с вышесказанным, основной единицей описания праславянской акцентной системы является а к ц е н т н а я п а р а д и г м а. Наиболее известно определение акцентной парадигмы, предложенное В. М. Иллич-Свитычем: «Термин а к ц е н т у а ц и о н н а я п а р а д и г м а (а. п.) подразумевает характерную для определенной группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода “акцентную кривую” грамматической парадигмы» [Иллич-Свитыч 1963: 4, сн. 1]. Например, в праславянском у непроемных имен с основой на *-ā* восстанавливаются три акцентные парадигмы:

1) **а. п. а**, с постоянным ударением на корне — *silā, sily, silĕ, silq, silojq, silĕ; sily, silĕ, silamĕ, sily, silami, silaxĕ; silĕ, silu, silama*;

2) **а. п. б**, с постоянным ударением на окончании — *ženā, ženŷ, ženĕ, ženq, ženqj, ženĕ; ženŷ, ženĕ, ženāmĕ, ženŷ, ženāmi, ženāxĕ; ženĕ, ženŷ, ženāma*;

3) **а. п. с**, с ударением, меняющим свое место от формы к форме — *rqā, rqŷ, rqĕ, rqq, rqojq, rqĕ; rqŷ, rqĕ, rqāmĕ, rqŷ, rqāmĕ, rqaxĕ; rqĕ, rqŷ, rqāmā*⁴. Если мы расположим словоформы столбцами и соединим их ударные слоги линией, то лишь в третьем случае мы получим «кривую», образ, послуживший основой («внутренней формой») для термина «акцентная кривая». В первом и втором случаях линия, соединяющая ударные слоги, будет прямой. Однако в литовском, рассмотрение которого и побудило ввести этот термин, из четырех акцентных парадигм соответствующих основ три при использовании такого приема дают именно р а з н ы е кривые. В определении В. М. Иллич-Свитыча термин «акцентная кривая» имеет вспомогательный характер, но, как показали дальнейшие исследования в области славянской акцентологии, это понятие не лишено самостоятельного значения. Акцентные отношения, о которых пишет В. М. Иллич-Свитыч, в отдельной

⁴ Диакритика ' в этих примерах обозначает место иктуса безотносительно к его интонационной и количественной характеристике.

словоформе могут быть обозначены как «акцентный контур» (у Ф. де Соссюра этому соответствует термин «*courbe d'accent*»)⁵. В том случае, когда при описанной выше процедуре мы получаем действительно кривую или ломаную линию, мы, очевидно, имеем дело с чередованием акцентных контуров, отличающимся от обычного морфонологического чередования лишь тем, что в данном случае чередуются суперсегментные единицы. Однако в случаях, подобных двум первым, чередование акцентных контуров отсутствует. Поэтому в общем случае акцентную кривую можно определить как *контур* *а*кцентных *контур*ов, т. е. их упорядоченное множество, совокупность.

В других именных основах в праславянском обнаруживается также по три акцентных типа, и обозначаются они так же: **а. п. а**, **а. п. б**, **а. п. с**, — аналогичная ситуация и в глаголе. При этом акцентные кривые одной и той же **а. п.** в разных основах могут существенно различаться (это тем более относится к глаголу), сохраняя определенные черты сходства, приводящие к возможности их отождествления в рамках единой акцентной парадигмы. Одним из важнейших системных моментов этого сходства является парадигматический выбор акцентного типа производных. Несмотря на различие акцентных кривых в именах **а. п. с**: *roka*, *dьlgъ* и *noktь*, производные от них получают один и тот же акцентный тип, отличный от тех, которые получают производные от имен **а. п. а**: *sila*, *morzъ*, *mьdbъ*, — или производные от имен **а. п. б**: *krasa*, *grěxъ*, *pqtъ*. Для праславянского важным критерием объединения акцентных кривых в акцентные парадигмы является также наличие или отсутствие в них характерных контуров. Так, для **а. п. с** характерно наличие в акцентной кривой так называемых форм-*enclitomena*, словоформ с фонологически безударным акцентным контуром, тогда как в **а. п. а** и в **а. п. б** такие словоформы отсутствуют. Таким образом, акцентную парадигму следует рассматривать как класс акцентных кривых, фонологически, морфонологически или морфологически дополнительно распределенных (в праславянском позициями распределения служат лексико-грамматические и грамматические категории) и объединяемых одинаковой трактовкой в системе, построенной на основе второго принципа парадигматического акцента.

Важной особенностью балто-славянской акцентуационной системы было наличие «интонаций» (или «слоговых акцентов»). Оба термина не вполне удачны: лучше было бы говорить о «слоговых интонациях» или даже о «слоговых тонах». Именно эти слоговые тоны являются сейчас определенным препятствием для уяснения тонологической теории, так как те явления, отображением которых выступает балто-славянская акцентная система, непосредственно ни к славянским, ни к балтийским сложенным интонациям, восстанавливаемым обычным способом, отношения не имеют, хотя и оказали на последние определенное влияние.

Акцентная система, реконструируемая на основе балтийских и славянских фактов, характеризуется следующими чертами:

Акцентные типы.

У непроизводных две акцентные парадигмы (**а. п.**):

- 1) **а. п.** — неподвижная с постоянным ударением на корне,
- 2) **а. п.** — подвижная, включающая два типа словоформ:
 - а) формы с ударением на окончании,
 - б) формы-*enclitomena*, безударные в большинстве фразовых позиций, но в абсолютной позиции получающие начальное ударение.

У производных три акцентных типа:

- тип А — неподвижное ударение на корне,
- тип В — неподвижное ударение на суффиксе,
- тип С — подвижное ударение (= 2 **а. п.**).

⁵ В общем случае акцентный контур — это совокупность суперсегментных средств, оформляющих словоформу. Если отвлечься от фонетических деталей, его можно определить просто как схему постановки ударения в словоформе.

Выбор акцентных типов.

У непроизводных а. п. традиционны, т. е. каждой основе присуща одна из двух а. п., которая не предсказывается какой-либо информацией, исходящей из синхронной системы языка. Выбор акцентных типов производных определялся двумя параметрами: а. п. производящего и классом суффикса (по характеру влияния на выбор суффиксы делились на два класса, I и II) — и происходил следующим образом: от основ первой а. п. независимо от класса суффикса выбирался акцентный тип А, от основ второй а. п. при суффиксах первого класса — тип С, т. е. тип, в котором были словоформы с ударением на окончании и словоформы-enclīnomēna, при суффиксах второго класса — тип В, в котором иктус был привязан к суффиксу.

На эту систему акцентных типов налагалась система фразовых модификаций акцента энклиноменов, анализ которой приводит к выводу, что формы-enclīnomēna следует рассматривать как фонологически безударные формы.

«Нередуцированный» характер балто-славянской системы позволяет сделать вывод о глубинной структуре такой системы. Между, казалось бы, разнородными характеристиками обсуждаемой системы: традиционностью выбора а. п. непроизводных, правилами выбора производных — видом акцентных кривых и фонологическим статусом форм-энклиноменов, очевидно, существует глубинная связь.

Тот факт, что традиционная а. п. непроизводных определяет выбор акцентных типов производных, указывает на то, что именно корневой морфеме (а не основе или слову в целом) следует приписать некое (морфонологическое) качество — «валентность», — определяющее выбор акцентного типа, при этом таких «валентностей» оказывается две: одна из них определяет место иктуса на корне как в непроизводных, так и в производных (первая валентность), другая не определяет (вторая валентность). Этому разбиению корневых морфем соответствует разбиение суффиксов: II класс суффиксов определяет постановку иктуса (при корневой морфеме 2-й валентности) — класс 1-й валентности; I класс суффиксов не определяет постановку иктуса — класс 2-й валентности.

Наконец, анализируя отношения в акцентной кривой подвижного акцентного типа, мы видим, что эти же «валентности» могут быть приписаны морфемам окончаний: окончаниям, несущим на себе иктус (при корнях и суффиксах 2-й валентности) может быть приписана валентность первого типа (равная валентности корней непроизводных имен 1-й а. п.), окончаниям безударным (при корнях и суффиксах со 2-й валентностью) — валентность второго типа. Важным моментом, подтверждающим это разбиение, является тот факт, что словоформы, состоящие исключительно из морфем с «валентностями» второго типа, обладали фонологическим статусом безударности.

Очевидно, что между «валентностями» существует иерархическая зависимость, которую можно определить как отношение «доминантности — рецессивности»: при наличии морфемы 1-й валентности положение иктуса определяется ею, независимо от наличия, количества и расположения относительно нее морфем 2-й валентности.

Исходя из этой иерархии, легко получить правило постановки иктуса в балто-славянском. Для этого используется следующий прием. Введем специальные пометы при морфемах: морфема 1-й валентности получит помету (+), морфема 2-й валентности — помету (–).

Рассмотрим, что происходит с иктусом при составлении последовательностей из меченых таким образом морфем⁶:

- (1) *stār-bc-ġ* (gen. pl.); *brjūx-at-ġ-tī* (inf.); *vū-dēl-q-tī* (inf.) — в последовательности, состоящей только из (+)-морфем, иктус на первой морфеме.
- (2) *lén-ъ* (nom. sg. m.); *lén-ost-ъ* (nom. sg.); *lén-ost-ъ-no* (nom. sg. n.); *krīv-av-q* (acc. sg. f.); *ō-krīv-av-ī-l-ъ* (1-part., nom. sg. m.) и т. д. — в последовательности, состоящей только из (–)-морфем, иктус на первой морфеме.

⁶ В качестве примеров приведены праславянские формы, прабалтийская реконструкция представляет собой в принципе тождественную систему парадигматического акцента.

- (3) *lĕn-ost-b-jŏ* (instr. sg.) - - - ' +
mĕx-ov-bj-e (nom. sg. n.) - - ' + -
mold-bĕc-e-mb (instr. sg. m.) - ' + - -
glād-bk-o-mb (instr. sg. m.) ' + - - -
 — в последовательности, включающей лишь одну (+)-морфему, иктус на этой (+)-морфеме, независимо от числа и расположения (–)-морфем.
- (4) *stār-ost-b-jŏ* (instr. sg.), *bog-āt-o-jŏ* (instr. sg. f.), *mĕd-ĕn-ic-e-jŏ* (instr. sg.), *mĕd-ĕn-ic-a* (nom. sg.) и т. д. — в последовательности, состоящей из нескольких (+)-морфем, разделенных (–)-морфемами, иктус на первой (+)-морфеме.
- (5) *kŏz-bj-e-jŏ* (instr. sg. f.), *stŏl-ič-bn-o-jŏ* (instr. sg. f.), *čĕrn-ič-bn-īk-ŕ* (gen. pl.), *čĕrn-ič-bn-īk-o-mā* (instr. du. m.), *žĕn-bstv-bn-ost-b-jŏ* (instr. sg.) и т. д. — в последовательности, состоящей из нескольких однородных последовательностей («платформ») (+)-морфем, отделенных одна от другой (–)-морфемами, иктус на первой морфеме первой последовательности (+)-морфем.

(1) и (2) показывают, что последовательности морфем одинаковой валентности получают иктус на первой морфеме.

(3) и (4) показывают, что последовательности морфем разной валентности получают иктус на первой доминирующей морфеме.

Учитывая (5), общее «контурное правило», регулирующее постановку иктуса во всех типах последовательностей морфем в балто-славянском, можно сформулировать следующим образом: иктус ставится в начале первой последовательности морфем высшей валентности⁷ (последовательностью в данном случае считается и одиночная морфема). Возможно, что в последовательности морфем исключительно (–)-валентности иктус, падавший в соответствии с правилом на начало последовательности, фонетически отличался от иктуса, ставившегося в остальных случаях. Однако установить, когда и в какой мере это отличие принадлежало иктусу, а когда и в какой мере другим просодическим характеристикам данной последовательности морфем, на настоящей стадии исследования невозможно, поэтому контурным правилом эта особенность не отмечается.

Примечание. Очевидно, что при учете синтаксических закономерностей организации синтагматических единств (тактовых групп) такое рассмотрение можно перенести и на тактовые группы: *nā voz-b* (acc. sg.), *nā voz-b žĕ* (acc. sg.); *nĕ o-krbv-av-i-l-b* (1-part.), *nĕ o-krbv-av-i-l-b sĕ* (1-part.), *sĕ-dbrž-j-q* (1. p. sg.), *sĕ-dbrž-j-q žĕ sĕ* (1. p. sg.) и др.

Как мной было показано (см. [Дыбо 1980]), система маркировки морфем и контурное правило, определяющее место иктуса, могли быть получены не выходя за пределы в свое время изученных Ф. де Соссюром отношений в литовском. Существенным пробелом анализа Соссюра, сохранившимся и в предложенной мной реконструкции, было то, что анализу подверглись вторичные суффиксы, тогда как морфонологический статус первичных (прикорневых) суффиксов оставался неизученным. А именно в образованиях с первичными суффиксами мы наблюдаем феномен балто-славянской метатонии. Хотя не было оснований ожидать, что первичные суффиксы дадут иное разбиение, чем вторичные, их строгое разделение по морфонологическим статусам наталкивалось на значительные трудности, связанные прежде всего с невозможностью формального определения первичного суффикса II класса как такого суффикса, который получал иктус при (–)-корне. В этих условиях особую значимость приобретало внешнее сравнение.

⁷ Так как «начальная (первая) морфема первой последовательности морфем» — то же, что просто «первая морфема», это правило можно было бы сформулировать как «иктус ставится на первой морфеме высшей валентности», однако типологические соображения (см. ниже) заставляют нас сохранить более развернутую формулировку.

Так же как в области корневых морфем⁸, было установлено, что греко-арийские материалы позволяют провести бинарное разбиение прикорневых индоевропейских суффиксов⁹. В дальнейшем С. Л. Николаев показал, что I классу греко-арийских суффиксов соответствует класс балто-славянских прикорневых «доминантных» суффиксов, т. е. (+)-суффиксов, а II классу греко-арийских суффиксов — класс балто-славянских прикорневых «рецессивных» суффиксов, т. е. (–)-суффиксов. Как и следовало ожидать, при «рецессивных» суффиксах производные сохраняли акцентную парадигму производящих, тогда как при «доминантных» суффиксах производные получали неподвижный акцентный тип независимо от акцентной парадигмы производящего.

Наряду с этим предсказываемым теорией результатом был получен также результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с «доминантными» суффиксами от акутированных корней «рецессивного», т. е. (–)-класса, происходит метатония «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», тогда как в этих же производных от акутированных корней «доминантного», т. е. (+)-класса, метатония отсутствует:

I. Балто-славянская метатония в производных с суффиксами «доминантного» класса (*to-*, *-sto-*, *-tlo-*, *-dlo-* и т. п.).

Акутированные корни с (–)-маркировкой ($' \Rightarrow \sim$).

Литовский

a) суфф. *-ta-s*

- лит. *stōtas* (2) 'телосложение' ~ лит. *stóti*, лтш. *stāt*; слав. *-stājō*, *-stajetě* (а. п. с);
- лит. *klōtas* (2), pl. *klōtai* 'мостки' ~ лит. *klóti*, лтш. *klāt*; слав. *klādō*, *kladetě* (а. п. с);
- лит. *graūžtas* (2) 'огрызок' ~ лит. *gráužti*, лтш. *graužt*; слав. *grýžō*, *gryzetě* (а. п. с);
- лит. *dōtas* (2) 'подарок' ~ лит. *dúoti*, лтш. *duôt*; слав. *dājō*, *dajetě* (а. п. с);
- лит. **nuo-dētas* (> жемайт. *nū-dētas*) (2) 'Sünde'¹⁰ ~ лит. *dēti*, лтш. *dēt*; слав. *dějō*, *dějetě* (а. п. с);
- лит. **mōtas* (2) в adv. (instr. pl.) *mōtais* 'in Betracht' ~ лит. *móti*, лтш. *māt*; слав. *mājō*, *majetě* (а. п. с);
- лит. *sōstas* (2); SkŽD 321) 'трон, престол' при вторичном *sóstas* (1), *pa-sēstas* (2) 'сидение' ~ лит. *sėsti*, лтш. *sēst*; слав. (cauz.) *sādō*, *saditě* (а. п. с);
- лит. *džiaūtas* (2); SkŽD 320) 'pintainė sūriams džiovinti' ~ лит. *džiāuti*, лтш. *žaiūt*;
- лит. *plauštas* (2) 'полók' ~ лит. *plāuti*; слав. *plōvō*, *plovetě* (а. п. с);
- лит. *ap-maūtas* (2) 'чехол', *pa-maūtas* (2) 'недоуздок' ~ лит. *māuti*, лтш. *maūt*;
- лит. *plauštas* (2); Šlap. 352) 'парóm' при вторичном *plauštas* (1) ~ лит. *plāusti*, лтш. *plaiūt*;
- лит. *kliūtas* (2); Jušk. II, 167) 'карша, замоина' ~ лит. *kliāuti*, лтш. *kļaiūt*;
- лит. *nařtas* (2) 'норов' ~ лит. *nėrti*; слав. *něřō*, *ньretě* (а. п. с);
- лит. *spraūstas* (2) 'шпунт' ~ лит. *sprāusti*, лтш. *spraiūt*;

b) суфф. *-sta-s*

- лит. *klōstas* (2), pl. *klōstai* 'жерди, которыми надавливается мочимый лен; мостки' ~ лит. *klóti*, лтш. *klāt*; слав. *klādō*, *kladetě* (а. п. с);
- лит. *mōstas* (2) 'жест' ~ лит. *móti*, лтш. *māt*; слав. *mājō*, *majetě* (а. п. с);
- лит. *aiķštas* (2) 'этаж, ярус, чердак' ~ лит. *augti*, лтш. *augt*;
- лит. *šluōstas* (2) 'тряпка для вытирания' ~ лит. *sluoti*, лтш. *sluôt*;
- лит. *pa-grėbstai* (pl.; 2) 'сгребки, сгребенные остатки' ~ лит. *grėbti*; ср. слав. *grěbō*, *grebetě* (а. п. с);
- лит. *narřtas* (2); SkŽD 324) 'verknötete Stelle der Peitsche, damit sie kürzer wird' ~ лит. *nėrti*; слав. *něřō*, *ньretě* (а. п. с).

⁸ См. [Николаев, Старостин 1982].

⁹ См. [Николаев 1983; 1986а; 1986б].

¹⁰ Здесь и далее толкования из ряда источников даются по-немецки.

c) суфф. *-kla-s*

- лит. *dėklas* (2) 'кобура, футляр' ~ лит. *dėti*, лтш. *dėt*; слав. *dějō, dějetě* (а. п. с);
- лит. *pa-būklas* (2) 'орудие' ~ лит. *būti*, лтш. *būt*; слав. (l-part.) *býľь, byľa, býlo* (а. п. с);
- лит. *tiñklas* (2) 'сеть, невод' ~ лит. *tinti* 'пугнуть', лтш. *tīt*;
- лит. *pa-neřklas* (2) 'wiązadło, którym przywiązuje się bat do biczyska', *pri-neřklas* (2) 'virvelė botagui prie koto priřisti (prinerti); spragilo jungas' ~ лит. *nėrti*, лтш. *niřt* (?);
- лит. *spīřklas* (2) 'пинок, удар (ногой)' ~ лит. *spirti*, лтш. *sperť*; слав. *pěřō, peretě* (а. п. с).

Славянский (⇒ а. п. б)

a) суфф. *-dlo*

- слав. *dědlo* ~ слав. *dějō, dějetě*; inf. *děti*; лит. *dėti*, лтш. *dėt*;
- слав. *pědlo* ~ слав. *pěňō, pьnetě*; inf. *pěti*; лит. *pinti*, лтш. *pīt*;
- слав. *žerdlo, žьrdlo* ~ слав. *žěřō, žeretě, žьřō, žьretě*; inf. *žьraľi, žerti*; лит. *gėrti*, лтш. *dzerť*;
- слав. *stadlo* ~ слав. *stājō, stajetě*; inf. *stajaľi*; лит. *stóti*, лтш. *stāt*;
- слав. *židlo* ~ слав. *živō, živetě*; inf. *žiti*; лит. *gyti*, лтш. *džīt*;
- слав. *bydlo* ~ слав. (l-part.) *byľь, byľa, býlo*; лит. *būti*, лтш. *būt*;
- слав. *žędlo* 'жало' ~ лит. *gėlti*, лтш. *dzelť*;
- слав. *verdlo* 'источник' ~ лит. *virti*, лтш. *virť*;
- слав. *tvьrdlo* 'загон для скота' ~ лит. *tvėrti*, лтш. *tverť*;
- слав. *perdlo* 'проход' ~ слав. *pěřō, peretě*; inf. *pьraľi* (а. п. с); лит. *spirti*, лтш. *sperť*.

II. Отсутствие балто-славянской метатонии в производных с суффиксами «доминантного» класса (*-to-*, *-sto-*, *-tlo-*, *-dlo-* и др.)

Акутированные корни с (+)-маркировкой не меняют интонации.

Литовский

a) суфф. *-ta-s*

- лит. *káltas* (1) 'долото' ~ лит. *kálti*, лтш. *kalť*; слав. *koljō, koljětě*; inf. *kōlti* (а. п. б/а);
- лит. *būrtas* (1) 'жребий, ворожба, чары' ~ лит. *būrti*, лтш. *buřť*;
- лит. *gniáužtas* (1) 'кулак', pl. 'тиски' ~ лит. *gniáužti*, лтш. *gñaužt*;
- лит. *miltai* (pl.); 1) 'мукá' ~ лит. *málti*, лтш. *malť*; слав. *meljō, meljětě*; inf. *mělti* (а. п. б/а);
- лит. *sietas* (1) 'сито' ~ слав. *sějō, sějětě*; inf. *sėjati* (а. п. а);
- лит. *viltas* (1) 'предательство, измена, обман' ~ лит. *vilti*, лтш. *vilť*;
- лит. *rėžtas* (1) 'заведенный порядок; старая дорога' (*savo rėžtu* 'своим чередом; по-своему'); *ruožtas* (1) 'полоса, участок, область' (*savo ruožtu* 'своим чередом; по-своему') ~ лит. *rėžti*; слав. *rězjō, rězjetě*; inf. *rězati* (а. п. а); в лтш. в глагольных корнях на шумные обобщение прерывистой интонации.

b) суфф. *-sta-s*

- лит. *žiostas* (1; SkŽD 324) 'tai, kiek vienu kartu galima apžioti' ~ лит. *žiōti*; слав. *zějō, zějětě* (а. п. а);
- лит. *váistas* (1) 'средство, лекарство' ~ слав. *věděti* (а. п. а).

c) суфф. *-kla-s*

- лит. *dūřklas* (1) 'штык' ~ лит. *dūrti*, лтш. *duřť*;
- лит. *irklas* (1 > 3) 'весло' ~ лит. *irti*, лтш. *iřť*;
- лит. *piūklas* (1) 'пила' ~ лит. *piáuťi*, лтш. *plauť*;
- лит. *ženklas* (1) 'знак, признак, знамение' ~ лит. *pa-žinti*, лтш. *pa-zīt*;
- лит. *pa-vėikslas* (1) 'картина, изображение, образ, пример, образец' ~ слав. *vīdjō, vīditě*; inf. *vīdėti* (а. п. а);
- лит. *sėkla* (1; f.) 'семя' ~ лит. *sėti*, лтш. *sět*; слав. *sějō, sějětě* (а. п. а).

Славянский (а. п. а)

а) суфф. -*dlo*

1. слав. *bǐdlo* ~ слав. *bǐjǫ*, *bǐjetь*; inf. *bǐti* (а. п. а);
2. слав. *dǔdlo* ~ слав. *dǔjǫ*, *dǔjetь*; inf. *dǔti* (а. п. а);
3. слав. *mǔdlo* ~ слав. *mǔjǫ*, *mǔjetь*; inf. *mǔti* (а. п. а);
4. слав. *rǔdlo* ~ слав. *rǔjǫ*, *rǔjetь*; inf. *rǔti* (а. п. а);
5. слав. *čǔdlo* ~ слав. *čǔjǫ*, *čǔjetь*; inf. *čǔti* (а. п. а);
6. слав. *šǐdlo* ~ слав. *šǐjǫ*, *šǐjetь*; inf. *šǐti* (а. п. а); лит. *siūti*, лтш. *šūt*;
7. слав. *mědlo* ~ слав. *mьnǫ*, *mьněть*; inf. *měti* (а. п. а/б); лит. *minti*, лтш. *mīt*;
8. слав. *tǔrdlo* ~ слав. *tьrǫ*, *tьrěть*; inf. *tǔrti* (а. п. а/б); лит. *tirti*, лтш. *trīt*.

Исключения из данного соотношения единичны и легко объясняются либо наличием древних акцентуационных вариантов у некоторых глаголов, либо сменой акцентных характеристик у них в более поздний период (например, генерализация прерывистой интонации в глаголах с корнями на шумные в латышском или расширение а. п. с в славянском). В некоторых случаях возможны также выравнивание интонации под влиянием соответствующего отглагольного прилагательного или глагола¹¹.

Итак, обсуждаемое исследование выявило, что при образовании производных с доминантными суффиксами (т. е. с (+)-суффиксами) эти производные получали неподвижную акцентную парадигму с постоянным ударением на корне (1 а. п.) независимо от акцентуационной валентности корневой морфемы. При этом, однако, в первично акутированных корнях с (–)-валентностью происходила замена акутовой интонации на циркумфлексовую («метатония»). В производных с рецессивными суффиксами каждая лексема получала акцентную парадигму в соответствии с акцентуационной валентностью корневой морфемы: производные с (+)-корнями получали неподвижную акцентную парадигму (1 а. п.), производные с (–)-корнями — подвижную акцентную парадигму (2 а. п.). При этом интонация корневой морфемы не менялась.

Неподвижная акцентная парадигма с постоянным ударением на корне у имен с доминантным суффиксом и первично рецессивным корнем означает, что у таких имен происходило изменение морфонологического статуса корневой морфемы, а именно, в такого рода производных она становилась (вторично) доминантной. Это изменение морфонологического статуса сопровождалось у акутированных корней одновременной заменой интонации на циркумфлексовую. Отметим, что способностью изменять морфонологический статус смежной морфемы обладали, по-видимому, лишь первичные суффиксы. У вторичных суффиксов, как это явствует из предшествующего¹², такой способности нет.

Рассматривая структуру вторичных суффиксов, мы видим, что их можно представить как последовательность минимум из двух частей: *-oko-* = *-o-* + *-ko-*; *-āko-* = *-ā-* + *-ko-*; *-iko-* = *-i-* + *-ko-*; *-uko-* = *-u-* + *-ko-*; *-īko-* = *-ī-* + *-ko-*; *-ika-* = *-ī-* + *-kā-*; *-ovo-* = *-o-* + *-vo-*; *-āvo-* = *-ā-* + *-vo-*; *-īvo-* = *-ī-* + *-vo-*; *-ito-* = *-i-* + *-to-*; *-īto-* = *-ī-* + *-to-*; *-oto-* = *-o-* + *-to-*; *-ōto-* = *-ō-* + *-to-*; *-āto-* = *-ā-* + *-to-*; *-ijo-* = *-i-* + *-jo-*; *-ijā-* = *-i-* + *-jā-*; *-ājo-* = *-ā-* + *-jo-* и т. п. При этом первая часть, как правило, представляет собой либо тематический гласный *-o-*, извлеченный из тематических основ, либо иной основообразующий формант, сросшийся с первичным суффиксом (*-i-*, *-u-*, *-ā-*, *-ī-*, *-ū-*), а вторая — первичный суффикс. Однако и тематический гласный (в норме) и другие основообразующие форманты при самостоятельном функционировании являются рецессивными морфемами, т. е. (–)-морфемами, что непременно вытекает из наличия у всех этих видов основ подвижного акцентного типа. Естественно предположить, что доминантность такого рода суффиксов обусловлена доминантностью их второй части. Иначе говоря, доминантная вторая часть суффикса изменяет морфонологический статус первой его части, делая

¹¹ Список исключений, их анализ и объяснение см. в [Николаев 1986а]. Важным для дальнейшего является доминантный характер в пралитовском корне **kel-* (лит. *kėlti* 'поднимать', лтш. *celt*), устанавливаемый по акцентовке производных.

¹² См. подробности в работах [Дыбо 1981а; 1981б; Николаев 1986а].

ее (вторично) доминантной так же, как первичный доминантный суффикс изменяет морфонологический статус первично рецессивного корня, делая его (вторично) доминантным. Можно показать, что при этом, если первая часть вторичного суффикса представляет собой изначально долгий монофтонг и должна быть согласно правилу де Соссюра акутированной, в ней происходит метатония и акут заменяется на циркумфлекс. Наиболее показательным в этом отношении является балто-славянский суффикс *-āko-s*. В славянском этот суффикс в адъективном употреблении сохранился лишь у местоименных прилагательных и показывает в них отчетливо рецессивный характер, ср.: 1) **jākъ*, **jakā*, **jāko* (от **jǃ*, **jǃ*, **jǃ* — **а. п. с**); 2) **iākъ*, **takā*, **iāko* (от **tǃ*, **tǃ*, **tǃ* — **а. п. с**); 3) **kākъ*, **kakā*, **kāko* (ср. **kǃto*, **čǃto* — **а. п. с**); но от местоимений неподвижного акцентного типа: 1) **īnakъ*, **īnaka*, **īnako* (от **īnǃ*, **īna*, **īno* — **а. п. а**); 2) **vǃsēkъ*, **vǃsēka*, **vǃsēko* (от **vǃsǃ*, **vǃsǃ*, **vǃsǃ* — **а. п. б**). В литовском прилагательные с суффиксом *-oka-s* (< *-āko-s*) относятся к неподвижному акцентному типу с постоянным акутовым ударением на суффиксе: *ilgókas* (ср. лтш. *ilgs*), *plonókas* (ср. лтш. *plāns*), *sunkókas* (ср. ст.-лит. *suñkus*, 2 а. п. у Н. Даукши¹³), *platókas* (ср. *platus*, 4 а. п. у Даукши и в современном литовском). Это явно перестроенная акцентовка с генерализацией акцентного типа, возникшего в результате действия закона де Соссюра в производных от циркумфлектированных и краткостных имен неподвижного акцентного типа и в результате наложения деформаций акцентной кривой, вызванных действием законов де Соссюра и Хирта в производных от циркумфлектированных и краткостных имен подвижного акцентного типа, с устранением неподвижного акцентного типа с акутовым ударением на корне и деформированного действием закона Хирта акутированного подвижного типа¹⁴. Для балто-славянского следует таким образом восстанавливать рецессивный статус этого адъективного суффикса. Однако этот же суффикс в субстантивном употреблении показывает циркумфлектированный характер гласного *-ā-* и акцентный тип с постоянным насуффиксальным ударением: лит. *naujōkas* (2), *bērōkas* (2), *kaulōkas* (2) и т. п., ср. генетически тождественную **а. п. б** в подобных образованиях в славянском: **durākъ*, **prostākъ*, **rybākъ*, **mōdrākъ* и т. п. Очевидно, что и в этом словообразовательном типе мы встречаемся с генерализацией акцентного типа с насуффиксальным ударением и устранением акцентного типа с первично накоренным ударением. Например, два последних славянских примера первоначально должны были иметь следующую акцентовку: **rybākъ* и **mōdrākъ*. Более близкое к первоначальному состояние мы имеем в словообразовательном типе с вторичным суффиксом *-ykla-s*: *gǃdyklas* 'лекарство' (от *gǃdyti* 'лечить'), *vǃstyklas* (3 < *1) 'пеленка' (от *vǃstyti* 'пеленать, свивать'), но *kabǃklas* (2) 'вешалка' (от **kabǃti* > *kabinti* 'вешать'), *kibǃklas* (2) 'крюк, зацеп' (от *kibǃti* 'вешать, зацеплять'), *kratǃklas* (2) 'labai slidus šypelis pakuloms kratyti' (от *kratǃti* 'трясти'). Суффикс *-ykla-s*, очевидно, состоит из доминантного первичного суффикса *-kla-s* и основообразующего форманта каузативных глаголов *-y-* (< *-ī-*), морфонологическим статусом которого, как показывают славянские данные, была рецессивность (см. наличие в каузативах **а. п. с** и тип ее акцентной кривой: inf. **gubǃti* ~ sup. **gūbǃti*, l-part. **gūbǃlǃ*, **gubǃlǃ*, **gūbǃlo*; pl. **gūbǃli* и т. д.). По двум первым примерам производных видно, что суффикс *-ykla-s* не наводит метатонию на корень, однако сама первая часть его (*-y-*), что обнаруживается при рассмотрении следующих трех примеров, подвергается метатонии и получает морфонологический статус доминантности. Подвижность акцента у второго производного, очевидно, вторична (а. п. первого слова неизвестна), ср. подобное же вторичное развитие подвижности у производных с суффиксом *-uva-s* и др. (см. соответствующий раздел в [Николаев 1986а]). Проблематичным остается объяснение акута в *salǃklas* (1) 'солод' (по-видимому, от несохранившегося **salǃti*, итератива от *sǃlti* 'делаться сладким, солодеть')¹⁵.

¹³ Материал Н. Даукши почерпнут из изданий [Daukšos 1926; 1995].

¹⁴ Ср. подобные процессы и без деформаций по закону Хирта, например, в производных с суффиксом *-inga-s* [Дыбо 1981б: 71—73].

¹⁵ Если *-y-* в данном производном извлечено из основы итеративного глагола, а не каузатива, мы имеем дело с закономерным отсутствием метатонии, так как в итеративах, по свидетельству

Такое различие в морфонологическом поведении вторичных и первичных суффиксов, а равно и составляющих вторичных суффиксов, по-видимому, свидетельствует о сложном характере статуса доминантности. Можно отразить установленные нами различия в типе доминантности соответствующей маркировкой. Для обозначения первичной доминантности корней, первичных суффиксов и соответствующих частей вторичных суффиксов оставим знак (+), для обозначения вторичной доминантности корней и соответствующих частей вторичных суффиксов введем знак (≠). В этом случае суффикс *-ykla-s* должен получить следующую маркировку: *-y-kl₊a-s*. Различие между соответствующими адъективными и субстантивными суффиксами выразится так: 1) adj. *-ā-ko-s* ~ subst. *-ā-ko₊-s*; 2) adj. *-u-ko-s* ~ subst. *-u-ko₊-s*; 3) adj. *-ā-vo-s* ~ subst. *-ā-vo₊-s*; 4) adj. *-ī-ko-s* ~ subst. *-ī-ko₊-s* (ср. здесь же, по-видимому, первичное противопоставление subst. f. и m.: subst. f. *-ī-kā₊-* ~ subst. m. *-ī-ko₊-s*; первоначальная рецессивность суффикса subst. f. отражается лишь в отсутствии метатонии, в остальном суффикс был преобразован, вероятно, в результате действия закона Хирта). Приведем еще некоторые характерные морфонологические представления вторичных суффиксов: 1) adj. *-in-o-s* ~ adj. *-in-jō-s*; 2) adj. *-isk-o-s* ~ adj. *-isk-jō-s*; 3) subst. *-īb-ā-* ~ subst. *-īb-jā-*; 4) subst. *-in-ī-ko₊-s*, *-ov-ī-kō₊-s* и т. п. Уже из этого перечня видны некоторые особенности внутренней структуры вторичных суффиксов: во-первых, вторично доминантные составляющие не наводят вторичную доминантность и, следовательно, метатонию на предшествующие им части суффиксов, т. е. ведут себя так же, как вторично доминантный суффикс в целом по отношению к корневой морфеме; во-вторых, бросается в глаза некоторая произвольность членения, связанная с наличием «чередующихся» пар и их структурой: если у нас представлены пары с рецессивными адъективными суффиксами, в которых первичный *-k-* осложнен сросшимися с ним явно рецессивными основообразующими формантами, и с соответствующими доминантными субстантивными суффиксами, мы предпочитаем вычленять первично рецессивный основообразующий формант, а различие статусов парных суффиксов сводить к различию статусов первичных суффиксов adj. *-ko-* и subst. *-ko₊-*, следуя за аналогичным рассмотрением первичных суффиксов adj. *-to-* и subst. *-to₊-*, в тех же случаях, когда в наших парах наведение вторичной доминантности осуществляется заменой тематического гласного или другого основообразующего форманта каким-либо иным формантом, мы выделяем в качестве носителя акцентуационной валентности этот тематический гласный. В действительности, по-видимому, в большинстве случаев носителем акцентуационной валентности был тематический гласный, форманты *-k-*, соответственно *-t-*, субстантивов и адъективов генетически тождественны, и следует, по-видимому, предполагать для индоевропейского существование двух тематических гласных, различавшихся какими-то просодическими качествами, которые отобразились в балто-славянском в виде двух различных морфонологических статусов (акцентуационных валентностей). Представленные С. Л. Николаевым и С. А. Старостиным древнеиндийские и древнегреческие данные, видимо, достаточно надежно подтверждают этот вывод.

Рассмотрим дистрибуционные характеристики процесса (–) ⇒ (≠): 1) он происходит на любом слоговом отрезке, маркированном знаком (–), количество или качество этого слога, по-видимому, какой-либо существенной роли не играет; 2) он происходит в непосредственной близости (смежности) к следующему за ним звуковому отрезку, в надежно установленных случаях слоговому, маркированному знаком (+), каких-либо ограничений процесса количеством или качеством данного слогового отрезка не обнаружено; 3) на кратких и циркумфлексированных слогах фонетически данный процесс никак не проявляется, в первоначально акутированных слогах он переводит акутовую интонацию в циркумфлекс (‘ ⇒ ~). Такие дистрибуционные особенности этого процесса указывают на ассимиляционный его характер, т. е. мы имеем скорее всего дело с результатом тоновой ассимиляции.

славянского, основообразующий формант *-ī-* обладал статусом доминантности, наводил вторичную доминантность и, по-видимому, метатонию на предшествующую морфему, если она была первично акутированной.

Можно попытаться более точно определить фонетический характер как самого этого процесса, так и элементов, участвующих в нем. 1. Очевидно, что мы имеем дело лишь с частичной ассимиляцией, т. е. ($\mp$) не равно (+), так как в слоге с маркировкой ($\mp$) $\acute{\Rightarrow} \sim$, тогда как в слогах с маркировкой (+) акут не изменяется. 2. Можно думать, что характер самого процесса $\acute{\Rightarrow} \sim$ как-то связан с фонетическим характером элементов, принимавших в нем участие, т. е. (–) и (+); при частичных просодических ассимиляциях обычно просодическая характеристика первой части слога (первой моры) сохраняет близость к первоначальной просодической характеристике данного слога, тогда как просодическая характеристика второй части слога (второй моры) уподобляется просодической характеристике слога, который стимулирует ассимиляцию, т. е. слога, смежного с тем, в котором произошла (в данном случае) метатонизация. 3. Циркумфлекс в литовском представляет собой восходящую интонацию, и нет серьезных оснований считать, что он был качественно иным в балто-славянском¹⁶. Это дает основание полагать, что просодические характеристики, принимавшие участие в рассматриваемом процессе, были, скорее всего, регистровыми тонами: маркировке (–) соответствовал низкий тон, маркировке (+) — высокий тон. В этом случае при регрессивной частичной ассимиляции в порядке (–+) на первом слоге должен был возникнуть восходящий тон: $\underline{\square}\square \Rightarrow \underline{\square}\square \Rightarrow \underline{\square}\square$. Этот ассимиляционный восходящий тон как бы взломал возникающий по правилам де Соссюра и Беценбергера акут и создал на этом (первом) слоге интонацию, достаточно близкую фонетически к балто-славянскому циркумфлексу, в дальнейшем совпавшую с ним. Интерпретация акцентуационных валентностей (–) и (+) как отображений праязыковых низкого и высокого регистровых тонов хорошо поддерживаются типологическими сопоставлениями (ср. контурные правила, тождественные балто-славянским, в восточносахарских языках (группа теда-канури [Дыбо 1987]).

В последнее время появились данные, которые позволяют надеяться, что в севернолитовских жемайтских и аукштайтских диалектах, возможно, сохранились (помимо рассмотренной выше метатонизации) следы этой предполагаемой системы регистровых тонов праязыка. В ряде публикаций (см. [Гирденис, Качюшкене 1987; Качюшкене 1984]) были приведены факты, свидетельствующие о наличии в северножемайтском (можейкинский говор) и севернопонежевском (аукштайтском) диалектах противопоставления двух видов акута и, соответственно, двух видов циркумфлекса не ретракционного типа. Противопоставление это представлено в ряде минимальных пар и отмечено в трех категориях форм: 1. суш. с суфф. *ta-s* ~ прилаг. (прич.) с суфф. *-ta-s*; 2. презенсы 3 л. глаголов *j-praesentia* ~ буд. вр. 3 л. тех же глаголов; 3. претериты на *-é* от первичных глаголов *j-praesentia* ~ претериты на *-é* от парных к ним итеративов. Исследователи провели большую экспериментальную работу, установив факт хорошего различия информантами указанного противопоставления и изучив его основные фонетические параметры, однако для серьезного сравнительно-исторического исследования этого феномена необходимо полное описание просодических систем данных говоров, т. е. установление типа интонации, по возможности, у каждой словоформы всего корпуса лексем этих диалектов. Поэтому сейчас относительно данной проблемы можно высказать лишь самые предварительные соображения. Авторы связывают указанное различие с противопоставлением прабалтийских (и праиндоевропейских) баритонированной и подвижной акцентных парадигм. Однако самым примечательным моментом в рассматриваемой ситуации является то, что ни одна из изученных ими лексем не отнеслась в пралитовском (и в прабалтийском) к подвижному акцентному типу. Все они имели неподвижную акцентную парадигму, т. е. были баритонированны, так как их корневые морфемы относятся к классу (+)-морфем. Важным, однако, представляется тот факт, что во всех случаях, когда мы можем установить маркировку их суффиксов,

¹⁶ Предположение о качественном изменении балто-славянского циркумфлекса в литовском основывалось на убежденности в генетическом тождестве славянского и литовского циркумфлексов. Поскольку это тождество отклонено и доказано, что литовскому циркумфлексу в славянском соответствует восходящая интонация типа нового акута, это предположение отпадает.

оказывается, что акут и циркумфлекс, относимые авторами к первой разновидности, появляются перед (+)-суффиксами, а акут и циркумфлекс, относимые ими ко второй разновидности, — перед (–)-суффиксами:

I. Сущ. с суфф. $-ta-s \sim$ прилаг. (прич.) с суфф. $-ta-s$
(акут: первого вида — ₁ ~ второго вида — ₂)

1. Северножемайтский

- 1) $kā-lts_{(1)}$ 'долото' ($kāltas$) ~ $kā-lts_{(2)}$ 'битый' ($kāltas$)
- 2) $svē-ists_{(1)}$ 'масло' ($sviēstas$) ~ $svē-ists_{(2)}$ 'кинутый' ($sviēstas$)

2. Севернопонежежский

- 1) $kā-lts_{(1)}$ 'долото' ($kāltas$) ~ $kā-lts_{(2)}$ 'битый' ($kāltas$)
- 2) $kē-lts_{(1)}$ 'паром' ($kēltas$) ~ $kē-lts_{(2)}$ 'поднятый' ($kēltas$); в последней паре корень $*kel-$, вопреки лтш. *celt*, следует относить к доминантному классу, во всяком случае в пралитовском, что отражается как в отсутствии метатонии в образованиях с доминантными суффиксами, так и непосредственно в производных с вторичными суффиксами сохранением неподвижного акцентного типа с накоренным ударением: $kēltuvas$, $kēltuva$ (1 $\Rightarrow$ 3).

(циркумфлекс: первого типа — ₁ ~ второго типа — ₂)

1. Северножемайтский

(в опубликованных материалах эта категория отсутствует)

2. Севернопонежежский

- 1) $āū-tvs_{(1)}$ 'портянка' ($āūtās$) ~ $āū-tvs_{(2)}$ 'обутый' ($āūtās$)
- 2) $pōr-štas_{(1)}$ 'палец' ($pīrštās$) ~ $pōr-štas_{(2)}$ 'сосватанный' ($pīrštās$).

Очевидно, что здесь мы имеем дело в левой части пар с тем же словообразовательным типом, что и представленный выше тип, в котором первично акутированные корни дают метатонию «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», его суффикс $-ta-s$, как было показано выше относится к первичным (+)-морфемам. Лишь в последней паре в слове $pīrštās$ 'палец' морфонологический, так же как и морфологический, статус элемента $-ta-s$ не ясен, однако субстантивный характер этого элемента свидетельствует скорее в пользу его доминантности. В правой части пар во всех примерах представлены формы страдательных причастий прошедшего времени, в которых и в балтийском и в славянском присутствует подвижная акцентная парадигма. Следовательно, суффикс $-ta-s$ этих форм относится к первичным (–)-морфемам.

В первой паре в северножемайтском и, соответственно, в севернопонежежском представлен акутированный корень $kal-$, который относится к (+)-морфемам: лит. $kāltas$ (1) 'долото': лтш. $kāltas$ 'das Stemmeisen, der Meissel; ein kleiner Hammer'; лит. $kālti$ 'ковать, долбить'; $kūlti$ 'молотить; колотить, бить': лтш. $kālt$ 'schmieden; schlagen'; $kūlt$ 'schlagen; dreschen'; слав. $kōlti$; $koljō$, $koljētj$ (а. п. а/б).

Во второй паре в северножемайтском представлен акутированный корень $svied-$ 'бросать, кидать, швырять; мазать': лит. $sviesti$, лтш. $sviēst$. В латышском наблюдается далеко зашедший процесс обобщения прерывистой интонации в первичных глаголах с акутированными корнями на шумные, поэтому более надежны показания литовского, который первой акцентной парадигмой существительного и отсутствием метатонии в нем свидетельствует о (+)-валентности этого корня.

Доминантность корня $kel-$, как сказано выше, подтверждается акцентуационным поведением его в литовском словообразовании.

Корень $au-$ обнаруживает свою (+)-валентность в славянских языках, где глагол $*-uti$ относится к неподвижному акцентному типу: вторичная а. п. а $\Leftarrow$ а. п. б.

Корень $pīrš-$ относится к глагольным корням 1-го индоевропейского парадигматического класса¹⁷, что определяет его первичную (+)-валентность.

¹⁷ См. [Николаев, Старостин 1982]; подробный анализ этого глагольного корня дан мной в [Дыбо 1984].

II. Презенсы 3 л. глаголов *j*-praesentia ~буд. вр. 3 л. тех же глаголов (акут: первого вида —₁ ~ второго вида —₂)

1. Северножемайтский

- 1) наст. вр. *kā' iš₍₁₎* 'чистит (-ят)' ~ буд. вр. *ka. iš₍₂₎* 'будет (-ут) чистить'
- 2) наст. вр. *kūoš₍₁₎* 'цедит (-ят)' ~ буд. вр. *kūōš₍₂₎* 'будет (-ут) цедить'.

(циркумфлекс: первого типа —₁ ~ второго типа —₂)

1. Северножемайтский

- 1) наст. вр. *mē' iš₍₁₎* 'смешивает (-ют)' ~ буд. вр. *mē. i. š₍₂₎* 'будет (-ут) смешивать'
- 2) наст. вр. *rā' us₍₁₎* 'роет (-ют)' ~ буд. вр. *rā. u. s₍₂₎* 'будет (-ут) рыть'.

Суффикс *-je-* первичных *j*-praesentia относится к доминантным суффиксам, морфологический статус суффикса сигматического буд. вр. неизвестен, но ничто не препятствует предположению о его рецессивном характере.

III. Претериты на *-ē* от первичных глаголов *j*-praesentia ~ претериты на *-ē* от парных к ним итеративов (акут: первого вида —₁ ~ второго вида —₂)

1. Северножемайтский

- 1) *trā' ukē₍₁₎* 'тянул(а)' (inf. *trā' ukte*) ~ *tra. ūkē₍₂₎* 'дергал(а)' (inf. *tra. ūkī' tē*).

2. Севернопонежежский

- 1) *lā' užē₍₁₎* 'ломал(а)' (inf. *lā' ušīb*) ~ *la. ūžē₍₂₎* 'разламывал(а)' (inf. *la. ūžēīb*)
- 2) *gñā' užē₍₁₎* 'щемил(а)' ~ *gñā. ūžē₍₂₎* 'мял(а)'
- 3) *trā' ukē₍₁₎* 'тянул(а)' (inf. *trā' ukīb*) ~ *tra. ūkē₍₂₎* 'дергал(а)' (inf. *tra. ūkēīb*).

(циркумфлекс: первого типа —₁ ~ второго типа —₂)

1. Северножемайтский

- 1) *brā' ukē₍₁₎* 'перечеркнул(а)' (inf. *brā' ukte*) ~ *brā. u. kē₍₂₎* 'перечеркивал(а)' (inf. *braukī' tē*).

2. Севернопонежежский

- 1) *brāŭ. ke₍₁₎* 'перечеркнул(а)' (inf. *brāŭ. kīb*) ~ *brāŭ' ke₍₂₎* 'перечеркивал(а)' (inf. *braukī' tē*)
- 2) *plāŭ. ke₍₁₎* 'плыл(а)' (inf. *plāŭ. kīb*) ~ *plāŭ' ke₍₂₎* 'плавал(а)' (inf. *plaukī' tē*)
- 3) *rāŭ. ke₍₁₎* 'хмурил(а)' ~ *rāŭ' ke₍₂₎* 'нахмуривал(а)'.

В левой группе форм мы имеем, по-видимому, отражение первично доминантного суффикса йотированных глаголов, в правой — скорее всего, вторично доминантный суффикс, возникший в результате стяжения рецессивного и доминантного суффиксов.

Для интерпретации обсуждаемого феномена важнейшее значение имеет первая группа форм. Как мы видели, она состоит из имен неподвижного акцентного типа (подвижность акцента у соответствующих причастий в современном литовском является результатом генерализации подвижной акцентной парадигмы, происшедшей в позднее время, неподвижная а. п. в причастиях на *-ta-s* от акутированных глаголов неподвижного акцентного типа сохранялась еще у Н. Даукши), различающихся лишь морфонологическим статусом их суффикса. Достаточно надежно устанавливается и доминантный характер корней у данной группы имен. Таким образом, есть все основания объяснять представленное в этой группе просодическое различие ассимиляторным влиянием просодической характеристики суффиксального слога, отразившейся в его морфонологическом статусе, на корневой слог, подобным тому, которое привело к балто-славянской метатонии у соответствующих основ от рецессивных акутированных корней. Этому объяснению не противоречит вторая группа форм. Что касается третьей группы, то она в определенной степени даже поддерживает предложенную гипотезу. Так как в последней группе форм независимо от морфонологического статуса корней вообще отсутствует подвижный тип акцента, то здесь мы скорее всего имеем дело с противопоставлением первично и вторично доминантных формантов. Первые, как было показано выше, индуцировали метатонию в образованиях от рецессивных акутированных корней, вторые такой способностью не обладали. Сама метатония являлась результатом ассимиляции «низкого акута» высокому регистру первично доминантного суффикса, при

вторично доминантных суффиксах этой ассимиляции не происходило, так как начальный слог их имел не высокий, а восходящий контур, который сам являлся результатом ассимиляции первично низкого регистра высокому регистру следующего слога или результатом стяжения низкотонального слога с высокотональным. В обсуждаемой группе форм мы обнаруживаем тот же вид «просодического поведения»: первично доминантный формант преобразует балтийский акут доминантного корня и циркумфлекс в разновидности: акут₁ и циркумфлекс₁ — вторично доминантный формант такой способностью не обладает и при нем сохраняется старое состояние, которое обозначается как акут₂ и циркумфлекс₂. Таким образом, во всех группах форм обнаруживаются, по-видимому, следы процесса, приведшего к метатонии в образованиях с первично доминантными суффиксами от акутированных рецессивных корней. Диалектные данные, обнаруженные А. Гирденисом и Г. Качюшкене, по-видимому, свидетельствуют о том, что этот ассимиляторный процесс проходил во всех просодических типах корней, специфика акутированных рецессивных морфем лишь та, что в них произошло совпадение разновидности «акут₁ в рецессивном (низкотональном) корне (морфеме)» с одной из разновидностей циркумфлекса, тогда как в других случаях такого совпадения интонационных различий, возникших в силу действия правил Ф. де Соссюра и Ф. Бецценбергера, не произошло, а варианты, возникшие из-за указанной ассимиляции, после падения интонаций неударных слогов подверглись тенденции к унификации и сохранились лишь в отдельных литовских диалектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гирденис, Качюшкене 1987 — Гирденис А., Качюшкене Г. Вторичные типы слоговых интонаций в литовских диалектах // *Proceedings XIth ICPhS. Vol. 5. Tallinn, 1987. P. 91—94.* [Girdenis A., Kachyushkene G. Secondary types of syllabic intonations in Lithuanian dialects. *Proceedings XIth ICPhS. Vol. 5. Tallinn, 1987. P. 91—94.*]
- Грамматика 1985 — Грамматика литовского языка / Под ред. Амбразаса В. Вильнюс: Мокслас, 1985. [*Grammatika litovskogo yazyka* [Lithuanian grammar]. Ambrazas V. (ed.). Vilnius: Mokslas, 1985.]
- Дыбо 1973 — Дыбо В. А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1973. С. 8—10. [Dybo V. A. Balto-Slavic accentual system from the typological perspective and the problem of Indo-European accent reconstruction. *Kuznetsovskie chteniya. 1973. Istoriya slavyanskikh yazykov i pis'mennosti.* Moscow: The Institute of Slavic and Balkan Studies, 1973. Pp. 8—10.]
- Дыбо 1977 — Дыбо В. А. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». (Тезисы докладов.) М., 1977. С. 41—45. [Dybo V. A. West Caucasian accentual system and the problem of its origin. *Nostraticheskie yazyki i nostraticheskoe yazykoznanie.* (Conference abstracts). Moscow, 1977. Pp. 41—45.]
- Дыбо 1978 — Дыбо В. А. Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Конференция «Проблемы реконструкции», 23—25 октября 1978 г. (Тезисы докладов.) М., 1978. С. 56—61. [Dybo V. A. A tonological hypothesis of Indo-European accentual systems origin. *Problemy rekonstruktsii*, October 23—25, 1978. (Conference abstracts). Moscow, 1978. Pp. 56—61.]
- Дыбо 1980 — Дыбо В. А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 91—150. [Dybo V. A. Balto-Slavic accentual system from the typological perspective and the problem of Indo-European accent reconstruction. *Balto-slavyanskije etnoyazykovye kontakty.* Moscow, 1980. Pp. 91—150.]
- Дыбо 1981a — Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М.: Наука, 1981. [Dybo V. A. *Slavyanskaya aktsentologiya. Opyt rekonstruktsii sistemy aktsentykh paradigm v praslavyanskom* [Slavic accentology. An attempt of reconstruction of accentual paradigms system in the Proto-Slavic language]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Дыбо 1981b — Дыбо В. А. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука, 1981. С. 65—89. [Dybo V. A. On the question of the system of derivative nouns accentual types generation in the Proto-Baltic language. *Balto-slavyanskije issledovaniya.* 1980. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 65—89.]

- Дыбо 1984 — Дыбо В. А. От редактора // Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p—q). М.: Наука, 1984. С. 112—119. [Dybo V. A. Editor's note. *Illich-Svitych V. M. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov. Sravnitel'nyi slovar' (p—q)*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 112—119.]
- Дыбо 1987 — Дыбо В. А. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? // Африканское историческое языкознание. М.: Наука, 1987. С. 458—557. [Dybo V. A. Tubu prosodic system (Teda-Kanuri group) — the beginning of the tonal system transformation to the paradigmatic accent system? *Afrikanskoe istoricheskoe yazykoznanie*. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 458—557.]
- Дыбо 1989 — Дыбо В. А. Типология и реконструкция парадигматических акцентных систем // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 7—45. [Dybo V. A. Typology and reconstruction of paradigmatic accentual systems. *Istoricheskaya aktsentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 7—45.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian noun inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М.: Издательство АН СССР, 1963. [Illich-Svitych V. M. *Imennaya aktsentuatsiya v baltiiskom i slavyanskom. Sud'ba aktsentuatsionnykh paradigm* [Noun accentuation in Baltic and Slavic. The fate of accentual paradigms]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963.]
- Качюшкене 1984 — Качюшкене Г. Й. Фонологическая система северопаневежского диалекта литовского языка (Просодия и вокализм): Дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984. [Kachyushkene G. I. *Fonologicheskaya sistema severopanevezhskogo dialekta litovskogo yazyka (Prosodiya i vokalizm)*. Kand. diss. [Phonological system of the North Panevezys dialect of the Lithuanian language (Prosody and vocalism). Cand. diss.]. Vilnius, 1984.]
- Лыткин 1952 — Лыткин В. И. Об ударении в коми-пермяцком языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. I. М., 1952. [Lytkin V. I. Accent in the Komi-Permyak language. *Trudy Instituta yazykoznaniiya AN SSSR*. Vol. I. Moscow, 1952.]
- Лыткин 1955 — Лыткин В. И. Дialeктологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Издательство АН СССР, 1955. [Lytkin V. I. *Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam* [Dialectological Permian languages reader]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1955.]
- Лыткин 1961 — Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М.: Издательство АН СССР, 1961. [Lytkin V. I. *Komi-yaz'vinskii dialekt* [Komi-Yaz'va dialect]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1961.]
- Николаев 1983 — Николаев С. Л. К исторической морфологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983. С. 68—103. [Nikolaev S. L. Towards historical morphology of the Ancient Greek verb. *Balto-slavyanskii issledovaniya*. 1982. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 68—103.]
- Николаев 1986а — Николаев С. Л. Балто-славянская акцентная система и ее индоевропейские истоки. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. [Nikolaev S. L. *Balto-slavyanskaya aktsentnaya sistema i ee indoevropeiskie istoki*. Kand. diss. [Balto-Slavic accent system and its Indo-European origin. Cand. diss.]. Moscow, 1986.]
- Николаев 1986б — Николаев С. Л. К исторической морфологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1984. М.: Наука, 1986. С. 157—208. [Nikolaev S. L. Towards historical morphology of the Ancient Greek verb. *Balto-slavyanskii issledovaniya*. 1984. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 157—208.]
- Николаев 1989 — Николаев С. Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 46—109. [Nikolaev S. L. Balto-Slavic accentual system and its Indo-European origin. *Istoricheskaya aktsentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 46—109.]
- Николаев, Старостин 1982 — Николаев С. Л., Старостин С. А. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1981. М.: Наука, 1982. С. 261—343. [Nikolaev S. L., Starostin S. A. Paradigmatic classes of the Indo-European verb. *Balto-slavyanskii issledovaniya*. 1981. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 261—343.]
- Brauner 1982 — Brauner S. Zur grammatischen Funktion prosodischer Merkmale im Bambara. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1982. Bd 35. Hf. 2. Ss. 144—149.

- Daukšos 1926 — *Daukšos Postilė*. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
- Daukšos 1995 — *Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995.
- Dybo et al. 1978 — Dybo V., Nikolayev S., Starostin S. A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems. *Estonian papers in phonetics*. Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian S. S. R., Institute of Language and Literature, 1978. Pp. 16—20.
- Herms 1982 — Herms I. Ton und intensität in Yoruba. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1982. Bd 35. Hf. 2. Ss. 150—156.
- Jušė. — Юшкевич А. Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках. Т. I. СПб., 1904; Т. II. Вып. 1. Пг., 1922. [Yushkevich A. *Litovskii slovar's tolkovaniem slov na russkom i pol'skom yazykakh* [The Lithuanian dictionary with glosses in Russian and Polish]. Vol. I. St. Petersburg, 1904; Vol. II. No. 1. Petrograd, 1922.]
- Sarauw 1939 — Sarauw Chr. *Über Akzent und Silbenbildung in den älteren semitischen Sprachen*. København: Ejnar Munksgaard, 1939.
- SkŽD — Pr. Skardžius. *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1943.
- Šlap. — Šlapelis J. *Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas*. 2oji laida. Vilnius, 1940.
- Studies 1962 — *Studies in New Guinea linguistics*. Sidney: University of Sydney, 1962.

Статья поступила в редакцию 14.01.2015.